ЕВРОПА 05.04.2021 | Эрнст Хиллебранд

Недалеко от яблони

Канцлерство Меркель сильно напоминает эпоху Коля. Во время коронакризиса ее стиль правления привел к провалу немецкой политики.

Ангеле Меркель все-таки не удалось уйти вовремя. Не только продолжительность правления, но и его конец все больше напоминают эпоху Коля: гнетущий *fin de regne* в период застоя. Как ни странно, эта параллель раскрывает то, что многие поклонники Меркель никогда не хотели признавать: насколько ее действия при власти напоминают методы Гельмута Коля. Его политический стиль определялся тремя железными правилами: проблемы можно пересидеть; если не выходит – засыпай их «бабками» (читай: деньгами налогоплательщиков); никогда не признавай ошибок.

Ангела Меркель действовала и управляла похожим образом. Часто ей помогало везение, в большинстве случаев – понимание возможного, всегда с учетом данных демоскопических исследований. В нормальном режиме это работало; ее правление было неплохим временем для страны. Но если проблемы нельзя было решить ни выжиданием, ни деньгами, становилось сложно. Под давлением довольно часто велась плохая политика. Все началось с того, что, будучи председателем ХДС, Меркель озвучила свою позицию в отношении иракской войны Буша и Блэра. Тогда она отправилась в Вашингтон, чтобы сообщить, что не «все немцы» разделяют антивоенную политику красно-зеленого правительства.

Продолжение последовало в 2009 году, когда она отказалась от отключения всех АЭС, чтобы потом после Фукусимы снова резко сменить курс – как всегда, в ущерб немецкому налогоплательщику. Мы никогда не узнаем, могло ли быть, если бы Вольфганг Шойбле получил ведущую роль во время урегулирования еврокризиса.

Но своим «Рухнет евро – рухнет Европа» Меркель с самого начала приветствовала экономически прагматичные решения. Сегодня у Греции больше долгов (по отношению к ВВП), чем до «спасения», не говоря уже о социальных последствиях работы «тройки».

Показатели экономического роста, безработицы и государственного долга в большей части еврозоны за последние десять лет были достаточно плачевными. Ангела Меркель несет значительную ответственность за уникальную в послевоенной истории Германии потерю политического контроля в кризисе с беженцами 2015–2016 годов. То, как быстро эта потеря контроля «европеизировалась», наделало шума во многих странах и проложило путь для волны правого популизма.

С коронакризисом этот стиль управления пришел к горькому финалу

Любой, кто разговаривал с политическими лидерами в Лондоне, Париже или Риме в то время, мог заметить что-то пугающее в немецкой политике даже среди левоцентристов. Когда,наконец дело дошло до Брексита, у Берлина не хватило мудрости проявить необходимую гибкость. Зная настроения в британском обществе, можно было догадаться, что исход переговоров, которые Дэвид Кэмерон привез тогда домой из Брюсселя, был попросту «недостаточно хорошим».

С коронакризисом этот стиль управления пришел к горькому финалу. Вирус не дал отсидеться, деньги его также не успокоили. В этом кризисе немецкая политика потерпела не только административный, но и этический провал. Защита данных ценилась выше, чем право на жизнь и здоровье десятков тысяч граждан, которых, вероятно, можно было бы защитить от инфекции с помощью эффективного отслеживания через приложение.

От превентивной защиты особо уязвимых групп старшего возраста канцлер отказалась еще осенью 2020 года – на «запирание» пожилых людей она не пойдет. А на вымирание – почти 90 процентов немцев, погибших от «короны», были старше 70 лет – очевидно, да. Локдаун, то есть значительное ограничение основных гражданских свобод, может быть только *ultimaratio*политики, когда не работают остальные методы. В Германии – как и практически во всей Европе – он стал *prima*, если не *unicaratio*.

Альтернативные стратегии, основанные на технологиях, направленные на целевые группы, работающие с данными и знанием о распространении вируса, даже не были испробованы. И в конечном итоге катастрофа с закупками вакцин также несет на себе печать эпохи Меркель: с работой комиссии а-ля «Горх Фок» под руководством Урсулы фон дер Ляйен и председательством Германии

в Совете ЕС во второй половине 2020 года.

Меркель оставляет после себя более уставшую и прежде всего более поляризованную страну, чем доставшаяся ей от Герхарда Шредера в 2005 году

Меркель оставляет после себя более уставшую и прежде всего более поляризованную страну, чем доставшаяся ей от Герхарда Шредера в 2005 году. Не в последнюю очередь АдГ (AfD) – плод этого периода. Воля к серьезной модернизации, которая отличала красно-зеленое правительство (с большим или меньшим успехом), редко ощущалась в 16-летнем правлении Меркель. Это касается также экономических и экологических проблем. Слишком долго страна убеждала себя, что она лучше других. Кризис автомобильной промышленности, зашедший в тупик энергетический переход, жесткая гегемония технологических гигантов из Калифорнии в цифровой экономике и недавний неэффективный менеджмент коронакризиса далеко не сразу дали стране понять, сколько всего было упущено за последние 16 лет.

То же самое можно сказать об итогах работы Меркель в европейской и внешней политике. Отношения с США можно назвать случаем реабилитации. Это касается и России, хотя следует признать, что у Меркель всегда было гораздо меньше иллюзий относительно системы власти Москвы, чем у некоторых ее европейских коллег. Ощущение скрытой гегемонии Берлина в ЕС, буксирующего от кризиса к кризису, не особо радует другие европейские столицы. Великобритания вышла из ЕС. Отношения с соседними странами на востоке в лучшем случае нормальные, а в некоторых случаях – например, с Польшей – крайне проблематичны.

Отношения с Францией остаются двойственными, равно как и с Италией. Миграционная политика сделала Европу уязвимой для шантажа со стороны транзитных стран – от Турции до Северной Африки. В некоторых вопросах мира и безопасности в Европе Германия стала удивительно неоднозначным игроком, которого трудно понять даже друзьям, например, в Париже. И спустя 16 лет Меркель немецкие войска все еще стоят в Гиндукуше, где они сначала защищали свободу Германии, затем право афганских девочек на образование, а теперь лишь туманный принцип, что все это было не напрасно.

Критика Меркель для многих медиа все еще остается своего рода табу

И все же Ангелу Меркель к завершению срока ее полномочий в общественном и медийном пространстве ценят намного выше, чем Гельмута Коля – хотя результат ХДС в сентябре, вероятно, окажется намного ниже тех 39,5 процента, которые получил выгоревший «канцлер единства» осенью 1998 года. Критика Меркель для многих медиа все еще остается своего рода табу. Насколько для высококлассной журналистики 1980-х и 1990-х годов считалось хорошим тоном презирать «грушу», настолько же «госпожу канцлера» возносит журналистика последнего десятилетия.

Кульминационный момент жизнеописания явно пришелся на 2015–2016 годы. Фото тележурналистов, которые в главных новостях не могут сдержать слез, растроганные политикой правительства, вы не увидите даже в Польше. Срок полномочий Меркель, особенно после 2015 года, сопровождался своеобразным самоограничением важных институциональных механизмов контроля, что едва ли можно наблюдать в такой форме в других странах Европы.

Это относится к нежеланию заметной части ведущих немецких СМИ систематически критиковать действия правительства, а также к размыванию контуров парламентской оппозиции в немецкой всех-со-всеми-(кроме одной)-коалиционной системе. Значительные социальные волнения и конфликты – такие как вопрос миграции – в этой системе больше не находят адекватного отражения. Есть много оснований полагать, что отсутствие системных дебатов во многом поспособствовало созданию политического и эмоционального вакуума, в котором смогли расцвести всевозможные «альтернативы».

Ощущение интеллектуального и институционального застоя, сопровождающее *findеregne* Меркель, – это нечто большее, чем проблема политического аппарата: оно является выразителем кризиса критического мышления в Германии, когда диссидентство, втиснутое во фрейм «популизма», становится маргинальным. Это, пожалуй, самый большой ущерб, нанесенный правлением Меркель. Правда, ответственность за это несет не одна она.

Эрнст Хиллебранд

Будапешт

Д-р Эрнст Хиллебранд (Ernst Hillebrand) является руководителем проекта «Европейские экономики Востока» Фонда им. Фридриха Эберта в Будапеште. После изучения политологии с 1990 года работал на различных должностях в Фонде, в частности, был руководителем отдела Анализа международной политики, отдела Центральной и Восточной Европы, а также руководителем представительства в Варшаве, Париже, Лондоне и Риме.